

Юнь Мэнцзэ, разумеется, не собирался садиться в машину, которая явно направлялась вовсе не в детский сад.

Поливальная установка уже смолкла, а Фэн Дунъюэ так и торчал у машины в эффектной позе «кабедон». Юнь Мэнцзэ знаком попросил его отступить.

— Мне пора возвращаться, обедать, а вечером ещё материалы смотреть. Хочешь порезвиться — резвись сам на газоне, только не забудь вернуться до обхода. И вели своему помощнику поскорее увести машину.

Фэн Дунъюэ тут же всё понял: его застенчивый малыш проголодался и деликатно намекает, чтобы тот поторопился с распоряжениями.

— Малыш, что предпочитаешь — европейскую кухню или японскую? Я сейчас же закажу самолёт.

— При степени тяжести твоего заболевания о вылазках в ближайшее время можешь забыть, — Юнь Мэнцзэ поправил очки. — А я хочу просто вернуться домой и поесть в одиночестве.

Впрочем, невозможность покинуть санаторий никогда не была преградой для наследника богатой семьи.

Фэн Дунъюэ распахнул дверцу машины, достал красивое покрывало для пикника и расстелил его на газоне, а следом одну за другой выставил корзину, аккуратно упакованную еду и ведёрко со льдом, в котором охлаждалось шампанское.

— Прошу, мой принц.

Фэн Дунъюэ взял Юнь Мэнцзэ за руку и усадил на покрывало, мысленно закатив себе шестьсот шестьдесят шесть лайков — насколько же он предусмотрителен! Всё было продумано заранее, и какой бы ответ ни дал Юнь Мэнцзэ, врасплох его было не застать.

На первый взгляд простой пикник на траве на деле оказался верхом изящества: запечённые лобстеры, копчёный лосось, сэндвичи с курицей, салаты на любой вкус, брауни, скоуны и свежая клубника — всё в компании взбитых сливок и шампанского, с самым романтическим настроением.

Разумеется, не обошлось и без цветов: помимо шампанского в ведёрке со льдом красовалась алая роза, с лепестков которой ещё стекали капли воды.

Он хотел, чтобы Сяо Цзэцзэ знал: рядом с ним романтика возможна где угодно и когда угодно.

— Малыш, тебе нравится увиденное? — Фэн Дунъюэ достал розу из ведёрка и протянул её Юнь Мэнцзэ вместе с обворожительной улыбкой. — Будь у меня побольше времени, я бы сложил перед тобой все прекрасные вещи этого мира.

Издалека донеслось дружное «о-о-ох». Юнь Мэнцзэ увидел на краю газона выстроившихся в ряд медсестричек — даже на таком расстоянии он прекрасно представлял, чему они так восторженно ахают. Розу он не принял, поднялся и произнёс:

— У господина Фэна отменный вкус. Приятного аппе...

Договорить он не успел: Фэн Дунъюэ схватил его и потянул назад. Юнь Мэнцзэ мгновенно осел обратно, врезавшись в него плечом, и если бы не удержал равновесие вовремя, точно оказался бы в его объятиях.

— Осторожнее, малыш, ты прямо в сердце мне врезался, — «упрекнул» его Фэн Дунъюэ. — Всё это приготовлено для тебя. Не доешь — не уйдёшь, а иначе я похищу тебя, посажу в машину и увезу на край света.

Сказано это было шутливым тоном, но взгляд оставался совершенно серьёзным — настолько, что Юнь Мэнцзэ заподозрил: этот человек и правда способен на такое.

Видя, что Юнь Мэнцзэ, похоже, уходить не собирается, Фэн Дунъюэ удовлетворённо взял хорошенькую клубничину, обмакнул её в сливки и поднёс к его губам.

— Попробуй, очень сладкая.

Юнь Мэнцзэ отстранился было, но всё же взял ягоду и откусил. Сочная, ярко-алая мякоть оказалась в меру сладкой, а в сочетании с ароматом сливок и впрямь поднимала настроение.

Фэн Дунъюэ смотрел, как сочная алая мякоть исчезает во рту Юнь Мэнцзэ, и ему до жути хотелось узнать, насколько сладки сейчас эти мягкие губы. Он легонько сжал его подбородок и медленно склонился ближе:

— Малыш, я скучал. А ты?

— Мы же только утром виделись, — Юнь Мэнцзэ отбросил его руку и отстранился. — Я уже пообещал доесть перед уходом, так что не порти мне аппетит.

«Ты мне нравишься. Каждую секунду разлуки с тобой я думаю о тебе, а увидев — конечно, не могу сдержаться» — сердце Фэн Дунъюэ переполнилось нежностью, но с языка сорвалось

совсем иное:

— Не забывай, у нас с тобой договор. В указанное там время ты принадлежишь мне — я вправе не только целовать тебя, но и делать с тобой всё, что заохочу.

Юнь Мэнцзэ развеселился:

— Какой ещё договор? Первый раз слышу. А ну покажи.

— Такую важную вещь, естественно, хранит мой адвокат, — Фэн Дунъюэ и рассердился, и рассмеялся одновременно. — Ах ты, негодник, уже отпираешься?

— Мне не от чего отпираться, — бросил Юнь Мэнцзэ.

«Вот ещё, будто я тебе что-то должен».

Фэн Дунъюэ тихо вздохнул. Хотелось покапризничать, да не хотелось выглядеть слабаком, что наутро после ночи рыдает, кутаясь в простыню: «Ты должен нести за меня ответственность!» Хотелось наказать Юнь Мэнцзэ — да рука не поднималась.

Разве сыщется на свете покровитель нежнее его?

Он налил себе шампанского и спросил:

— Знаешь, зачем я подарил тебе машину?

— Чтобы я на скорости в четыреста миль умчался от тебя за тридевять земель?

— Да я мечтаю все двадцать четыре часа в сутки держаться от тебя на расстоянии минус восемнадцати сантиметров, — Фэн Дунъюэ игриво повёл бровью, источая похоть. — Эта машина отныне станет нашей персональной машиной для секса на колёсах.

Что ни говори, а у богачей всё поделено: этот автомобиль — для работы, тот — для магазинов, третий — кирпичи возить. Юнь Мэнцзэ усмехнулся:

— А ты, как и этот спорткар, тоже самый быстрый в мире?

Фэн Дунъюэ: «...»

Юнь Мэнцзэ для проформы съел ещё пару кусочков, поднялся, отряхнул руки и сказал:

— Я поел, спасибо за угощение. До свидания.

Глядя, как тот уходит, даже не оборачиваясь, Фэн Дунъюэ так и не нашёл слов, чтобы удержать его, — вместо этого напоказ взглянул на часы:

— Мне тоже пора на следующую встречу. Пока-пока~

На небе высыпали звёзды — точно прыщи на лице подростка, впервые познавшего влюблённость: под каждым из них klokотали беспокойная страсть и невысказанная тоска.

Фэн Дунъюэ включил смартмозг, немного поиграл и от скуки бросил это занятие. Лёд в ведёрке будто растаял, взбитые сливки словно осели, а яркая роза как будто увяла. Даже изумрудный газон, казалось, тронула осенняя блёклость.

Он молча собрал всё с пикника обратно в машину, вдруг почувствовав, что ничего не хочется, что всё бессмысленно — хотелось лишь где-нибудь развалиться бесформенной тушкой и побыть тихим красавцем.

Людей бывает два типа: очаровательные и скучные. Фэн Дунъюэ умудрялся сочетать оба качества разом — только что сыпал соблазнительными пошлостями, а теперь от него осталась одна сплошная хандра.

Тут позвонил Ли Юй. Фэн Дунъюэ дал звонку прозвенеть подольше и лениво взял трубку:

— Помощник Ли, отмени всё, что я заказал.

То, что он называл «всё продумано заранее», и правда было продумано до мелочей. Он поручил Ли Юю забронировать самый знаменитый в Синду ресторан на высоте, выкупить целый вечер в парке аттракционов, зафрахтовать роскошную яхту с фейерверком. О скрипаче и представлении в океанариуме и говорить не приходится — да что там: скажи Юнь Мэнцзэ хоть слово, и Фэн Дунъюэ на личном самолёте отвёз бы его считать звёзды хоть на другое полушарие.

Узнай об этом золотая молодёжь их круга, привыкшая держать при себе сразу нескольких любовников, — обхохоталась бы: надо же, законный наследник семьи Фэн так убивается ради собственного содержания!

Ли Юй обрадовался, но голос, как всегда, звучал невозмутимо:

— Понял. У господина Фэна есть ещё распоряжения?

Фэн Дунъюэ, хоть и не был скупердяем, никогда не разбрасывался деньгами попусту и терпеть

не мог показной роскоши, поэтому весь этот вечерний денежный ливень заставил Ли Юя внутренне сжаться — пусть деньги были и не его, но переживать за босса тоже входило в обязанности толкового личного помощника.

Фэн Дунъюэ рассеянно бросил:

— Как думаешь, не построить ли плавучий передвижной □□? Пусть завтра стратегический отдел соберётся и подготовит план для совета директоров.

Столь внезапная идея на миг ошарашила Ли Юя — видимо, мысли босса перескочили сюда с роскошной яхты. При обычной обстоятельности Фэн Дунъюэ никогда не озвучил бы идею, пока та не созреет, — как минимум сначала собрал бы совет директоров и руководителей всех отделов для обсуждения. Сейчас же с головой у босса явно творилось неладное: столь важный вопрос был брошен вскользь, между делом.

Ли Юй хоть и считал, что запуск нового проекта сейчас компании и впрямь не помешал бы, решил всё же дождаться, пока босс придёт в норму, и лишь для виду согласился:

— Хорошо, понял.

— Помощник Ли, — вдруг посерьёзней голос Фэн Дунъюэ.

У Ли Юя ёкнуло сердце — он поспешно принялся вспоминать, не выдал ли себя случайно равнодушным тоном.

— Слушаю, господин Фэн.

— Завтра я хочу сыграть в бильярд. Принеси мой кий.

—... Хорошо.

Мысли босса скакали слишком уж непредсказуемо — угнаться за ними было нелегко.

Фэн Дунъюэ вернулся в палату, принял душ и улёгся на кровать в одних трусах, изображая труп. Вдруг в голове у него будто звякнуло — он включил «Звёздную дедукцию» с самой первой серии и принялся смотреть, попутно листая микроблог Юнь Мэнцзэ.

Хотя в микроблоге Юнь Мэнцзэ хватало разве что медицинских справок о психических расстройствах да редких кадров со съёмок «Звёздной дедукции», Фэн Дунъюэ пролистал всё от начала до конца с большим удовольствием, не пропустив ни единого комментария.

«Мой малыш прямо создан для камеры, рано или поздно станет королём экрана» — самодовольно думал Фэн Дунъюэ, гордясь собственной прозорливостью: ведь ещё когда его сокровище прозябало на самых задворках актёрской братии, он с первого взгляда разглядел в нём потенциал.

От этой мысли к нему вернулась жизнь. Покрутившись перед камерой в добром десятке поз, он сделал снимок, который выглядел небрежным, а на деле был снят под самым выигрышным, самым сексуальным углом, и отправил его Юнь Мэнцзэ с подписью:

«Малыш, если я явлюсь тебе во сне — это точно будет не сон».

Прождав долго и не дождавшись ответа, Фэн Дунъюэ никак не мог уснуть.

Он вспомнил, как на днях за столом захмелевший босс Пан вдруг пролил драгоценные мужские слёзы средних лет: его смазливый мальчик, с которым он прожил четыре года, бросил его и ушёл к какому-то хлюпику, только что окончившему институт и устроившемуся клерком в банк, — якобы в поисках настоящей любви.

Позже выяснилось, что папаша того хлюпика был завсегдатаем списка богачей, а сам хлюпик за банковской стойкой просто «постигал жизнь». А смазливый мальчик, всхлипывая, твердил: он любит его по-настоящему, любит так сильно, что даже нелепо-безвкусный цвет подаренного спорткара, вычурно-пошлый фасон подаренного кольца с бриллиантом и вечная рассеянность при переводах — то и дело с лишним нулём — не заставили его расстаться.

Дойдя до самого больного, этот суровый северо-восточный мужик Пан Сы со слезами на глазах разразился бранью: связь между покровителем и содержанкой и впрямь ненадёжна, а в глазах общества тот, кто покупает любовь за деньги, вечно остаётся презируемой стороной — кому какое дело до его ранимого, хрупкого нутра?

При этой мысли Фэн Дунъюэ стиснул одеяло. На газоне-то Сяо Цзэцзэ ещё поддел его насчёт «скорости» — а подобные несправедливые уколы, как известно, часто предвещают трещину в отношениях.

Неужели Сяо Цзэцзэ уже успел от него устать и втайне присматривает новую пассию?

Кричащий сурок.gif

Юнь Мэнцзэ как раз собирался ложиться спать, когда получил сообщение: на экране вдруг всплыла фотография — сплошь мышцы да чёрное бельё, и он было принял её за очередную рассылку пошлого спама от какого-то «Овсяного братца».

На фотографии Фэн Дунъюэ лежал на кровати ничком, полувлажные волосы небрежно падали на лоб, линии профиля были безупречны, а взгляд и улыбка источали столь ленивую, столь

откровенную чувственность, что, казалось, вот-вот прорвутся сквозь экран.

В ту ночь Фэн Дунъюэ ему не приснился, но на следующий день он всё равно чувствовал себя будто отравленным. Стоило хоть немного ослабить бдительность, как в голове выскакивал тот самый Фэн Дунъюэ — с алой дикой розой, распутившейся прямо из сердца, — и одаривал его искрящейся, будто с треском разлетающейся улыбкой.

Эта картина никак не желала выветриваться, и Юнь Мэнцзэ не только мучился головной болью, но и морщился от неловкости так, что ныли рёбра. Закончив утренние сеансы разговорной терапии, он забежал в комнату отдыха, выпил большую кружку чёрного кофе без сахара и молока, а затем вернулся в кабинет с головой уйти в изучение историй болезни и сценариев психодрам.

Он как раз прикидывал, какой сюжет подойдёт лучше, когда в дверь постучала Чжун Мянью и привела Е Чжэня: тот, по её словам, хотел его видеть.

Юнь Мэнцзэ не ожидал, что Е Чжэнь придёт сам. Он отложил бумаги, пригласил его сесть, решив, что тот наконец психологически готов к серьёзному разговору.

«Кумамон» с отсутствующим видом простоял так довольно долго, прежде чем вытащить из-за пазухи блокнот. Юнь Мэнцзэ узнал его — блокнот принадлежал Дин Юю.

— Доктор Юнь, — Е Чжэнь колебался, но всё же заговорил, — я знаю, что у вас с господином Фэном... отношения не совсем обычные.

Юнь Мэнцзэ: «?!? У тебя и так уже три диагноза, не хватало ещё тяжёлого бредового расстройства!»

— Но всё же... — ладони Е Чжэня были мокрыми от пота, и, кладя блокнот Дин Юя на стол, он чуть не выронил его из рук. — Взгляните лучше на это.

Юнь Мэнцзэ недоумённо открыл блокнот Дин Юя на последней записи. Заголовок гласил: «Заменитель любви у босса богатого дома».

<http://bllate.org/book/20119/1991972>